

СН(аРос = Рус) 6
А 65

Владимир Андреев

Бунт высокомерного компьютера

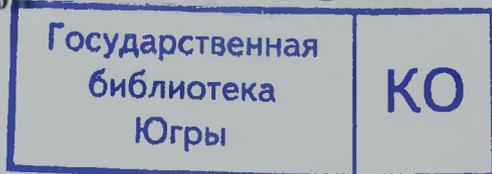

Владимир АНДРЕЕВ

Бунт высокомерного компьютера

Казань — 0138801—
2011

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

А65

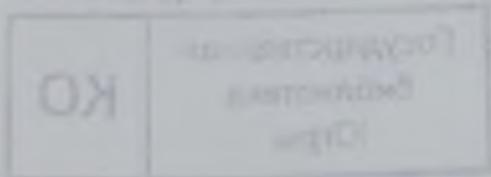
Эта седьмая по счету книга замечательного сибирского поэта Владимира Андреева.

Андреев В.П.

Бунт высокомерного компьютера/В.П. Андреев. – Казань: «Их-лас», 2011. – 168 с.

ISBN - 978-5-90473-560-9

© Андреев В.П., 2011

мысли, как умел, отвечал: «Птр» Таким образом, за мной из-за неправильного произношения имени отца и прикрепилось прозвище – ПТР. Я обижался, но что делать: сам виноват, надо было говорить правильно. Только через много лет, когда работал над словарём моего маленького народа, я с удивлением заметил, что в нашем языке нет буквы «ё», а это означало, что в том далёком детстве был прав я, говоря вместо Пётр – Птр, и прозвище было ко мне приклеено напрасно. Я говорил так, как того требовали нормы моего языка. Этот казус я считаю началом моего серьёзного знакомства с великим русским языком.

В 1954 году, когда мне и моей сестре Вале (мы были двойняшками) не исполнилось и по семь лет, нас попытались было устроить в первый класс Заов-Каратаевской начальной школы, но проучившись где-то с месяц, нас с сестрой отчислили из-за возраста. Чиновники тогда строго следили, чтобы в первый класс шли обязательно те, кому уже исполнилось семь лет. А так как мы были декабрьскими, то пришлось ждать начала учёбы почти год. В начальной школе из всех предметов мне очень нравилось чистописание. Как сейчас помню плакаты с каллиграфическими строчками идеально выписанных букв! Я мечтал тоже научиться писать также красиво, как на плакате. Но для этого нужна была усидчивость, а ею я не обладал. Да и кто в детстве обладал особой усидчивостью? Наверно, только еврейские дети, которых учили музыке.

По-настоящему я полюбил уроки русского языка и литературы в Тетюшском сельскохозяйственном техникуме, куда мы с сестрой поступили после окончания восьми классов Камско-Устьинской средней школы. Было это в 1963 году, когда заканчивалось правление Хрущёва и начинался вождизм Брежнева. Преподавателем русского языка и литературы в техникуме была Галина Алексеевна Маямсина. Она-то и сумела мне привить любовь к тому, что потом стало любовью всей жизни – к языку, на котором говорили и писали Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин, Шолохов, Твардовский и другие великие писатели земли русской.

На первую пробу пера меня, как и многих, толкнула первая любовь. Это ничем не объяснимое чувство, впервые заполнившее моё сердце, искало диалога. Для этого я выбрал форму дневника, а не стихи, потому что и понятия не имел, как писать стихи, хотя читал стихи других поэтов запоем. С дневниковой формы незаметно перешёл на стихотворную строку. К окончанию техникума я уже всю заполнял тетрадные листы, как мне казалось, гениальными строками. Мне тогда шёл девятнадцатый год. По распределению я попал в совхоз «Корноуховский», где доверили ответственную должность – поставили агрономом центрального отделения. На всё хозяйство, а оно было действительно большим, нас было всего два агронома – Мунир Газетдинович Хайдаров, как главный, и я, как основной его помощник. Работать приходилось много. Основным транспортом были лошадь и

мотоцикл. Я больше всего любил ездить верхом на лошади. За мной с первых же дней закрепили жеребца по кличке Карий. Это было умное животное. Я мог оставлять его на краю поля, а сам пройти дальше, в посевы, но стоило мне крикнуть «Карий!», как он шёл ко мне – будто знал, что хозяин зовёт не зря. Работа среди великолепной природы, молодость, жажда писать делали своё дело – я стал писать уже осознанно, то есть идею облекать в форму. Ближе к осени свои первые опыты я отправил в молодёжную газету «Комсомолец Татари» и, конечно же, получил разгромную рецензию, мою фамилию упомянули даже в критической статье о молодых поэтах, не с лучшей стороны. Это меня несколько не смутило, а заставило начать самообразование по поэтическому ремеслу. И тут я получил огромную поддержку и опеку со стороны журналиста Геннадия Ивановича Бабаева, кому я перед уходом в армию принёс тетрадку своих, как мне казалось, лучших стихов. Он тогда работал в районной газете «Красное знамя» в районном центре Камское Устье. Моя родная на то время деревня Заовражные Каратаи, куда мы переехали из Менситово в пору заполнения Куйбышевского водохранилища, была рядом с райцентром, в трёх километрах. Геннадий Иванович для печати отобрал лишь одно стихотворение – «Осень». Оно было напечатано в газете осенью 1969 года. Вместе с газетой я за эти стихи получил первый в жизни гонорар. Геннадий Иванович всё это прислал мне в воинскую часть, где я проходил службу.

Однажды в нашу часть приехал молодой военный корреспондент из дивизионной газеты. Меня представили ему и с тех пор с нашей «дивизионкой» у меня завязались хорошие отношения. Я писал туда заметки о жизни солдат, пытался делать зарисовки о своих друзьях. Одним словом, я окончательно влюбился в слово и уже не представлял своей будущей жизни без писательства. После демобилизации меня приняли в газету «Красное знамя» заведующим сельхозотделом, помогло сельскохозяйственное образование. Геннадий Иванович Бабаев к тому времени уже заканчивал образование в Казанском университете. Состав редакции был молод, стремился к совершенствованию, каждый корреспондент где-то учился, в основном в КГУ. Мой путь тоже не отличался чем-то особенным – я, как и мои товарищи по газете, получил диплом журналиста в КГУ, работал в газете, писал о жизни района, много ездил по командировкам по колхозам и совхозам, не бросал писать и стихи. Но я чувствовал, что у меня нет своего стиля, большей частью стихи пахнут эпигонством, и писать так больше нельзя. К моему счастью, я начал обращать внимание на свободный стих. В армии я прочитал Назыма Хикмета, который в последний период жизни в основном писал свободным стихом, эта манера мне очень понравилась и я тоже начал писать также. Свои опыты со свободным стихом я отправил на рецензию поэту Евгению Долматовскому. Он ответил письмом (которое, к сожалению, не сохранилось), где, кроме

критики, были советы, как писать стихи. Я очень благодарен Евгению Ароновичу за письмо.

Из газеты меня взяли инструктором в орготдел райкома партии. Там тоже была интересная работа, связанная с человеческими взаимоотношениями. Развод с женой поставил точку в этой работе. Я снова оказался в районной газете. Поняв, что это конец не только карьере, но и моей любимой журналистике, я в августе 1979 года уехал в г. Лениногорск, где в городской газете работал мой друг Боря Кирсанов, эрудированный журналист. Фактически он вытащил меня из болота, потому что к тому времени я сильно подружился с зелёным змием. Мне казалось, что я уезжаю на время, - вот дела налажу и снова вернусь на родину. Всё оказалось хуже – я расстался с родиной на многие годы. В Лениногорске жизнь сменилась круто, я не пошёл работать в газету, а поступил помбуром в управление буровых работ. Почти пять лет я отдал этой тяжёлой работе и нисколько об этом не жалею, потому что каждому стоит попробовать работать в экстремальных условиях, чтобы понять, что ты из себя представляешь. Там я приобрёл немало настоящих друзей, закалился и физически и душевно.

Стихи писались редко, в основном проходные, которые меня, конечно же, не удовлетворяли. Стиль так был ещё не найден. В 1984 году я вместе со второй семьёй уехал в г. Радужный Тюменской области. Прежде чем я попал на месторождение, пришлось поработать плотником на

стройке, «подснежником» корреспондентом городской газеты. В мае 1985 года я поступил работать на ДНС-1, тогда очень крупную и мощную дожимную станцию не только на Варьёганском месторождении, но и всей Западной Сибири. Коллектив подобрался молодой, работать было интересно, всё было новым. Мы тогда действительно гордились своей работой, потому что знали, что нужны стране.

Лето 1988 года сделало в моей жизни невообразимый переворот – я «завязал» с зеленым змием. Нет, я не лечился, просто поставил себе задачу – вернуться вновь к тем ощущениям, которые испытывал в те годы, когда вёл трезвую жизнь. К счастью, это мне удалось. С той поры прошло уже более 23 лет, как я трезвый человек. Правда, я начал эту жизнь в одиночестве – от пьянки развалилась и вторая семья. Но как оказалось, одиночество тоже имеет свои плюсы, и в первую очередь для тех, кто серьёзно занимается творчеством. Пожалуй, с конца 80-х у меня начался новый этап, который привёл меня к пониманию того, что для меня свободный стих становится основным в работе, что я должен развивать свою манеру стихосложения, не похожую ни на кого. Это было прорывом. Я нашёл свой стиль, который так долго искал, стал писать так, как ещё до меня в русской поэзии не писали. Первая моя книга «Стихи и максимы» вышла в Казани в 2002 году. На следующий год опубликовалась книга «Максимы». В 2007 году меня приняли в Союз писателей России. Коллеги признали мой талант. Надо подчеркнуть,

=====

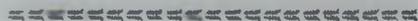
что между 1988 и 2002 годами в моей жизни произошло немало перемен. Десять лет был депутатом Радужнинской городской думы, с 1996 по 2000 годы – главой нефтяного города Радужный. На сегодняшний день мною опубликовано шесть книг, среди них и словарь моего маленького народа – «Словарь языка каратаев».

Эта, которую вы держите в руках, седьмая.

Почему я написал свою автобиографию предельно открыто, не утаив ничего? Да только потому, что люблю правду, правду во всём, за которую и расплачивался многим в своей не очень лёгкой жизни, а поэзия помогала мне выходить победителем.

Автор

=====

Бунт высокомерного компьютера

Сломана классика старой альма-матер:

дескать, не тот научный фарватер,
и по современным меркам она не добирает ума.

Из недр недовольной математики вышли к нам
чудовищные уравнения и диктуют правила игры –
вселенский компьютерный вождь
собирает под знамя своё легионы интеллекта.

Ньютон и Лейбниц, конечно, мудры,
но их ПК смущённо игнорирует – и Гейтс

впереди.

В зеркале современных сил

согласно козыревскому эффекту
ехидный талант засекреченных гениев,

по новой монтирующих наклон земной оси,
планово породил,
как беговая дорожка олимпийцев из Кении,
жажду любопытства всемирной замочной скважиной.

Пыль силиконовой долины

плавно ложится на мозг человечества –
и ничего тайного, и ничего важного –
и все незначайки – в интеллектуальные исполины
за пределами и внутри отечества.

Знания – это нагруженные извилины.

О наркота познания! – ненасытность любви и обмана.

Возможно, небесная манна?

За микрорастром экрана – невидимый ум.

Горе жить без ума, но не лучше и с умом.

Насилуя клавиатуру наобум,

моё куцее образование спотыкается об него зло и легко.

И вместо победы – разгром.

Он заигрывает со мной и в то же время

закрывает двери в свой дом.

Он ни разу не пригласил меня

на дружескую беседу. Не внемля

просьбе, он обзывает бедняком

любого из землян, кто проигрывает ему умом.

Его программа понимания закрыта на замок.

Он артачится, не подаёт руки.

Виню себя, думая о нём.

Сужаю поиска круги.

Он иногда боится точно я,

ругая тяготы земного бытия.

Незаметно подчиняя меня к себе,

он частично подчиняется мне.

Он, как египетский скарабей,

горя от тайны,

целомудренно нем.

Он вроде бы знаком аж сто лет,
но другом его не назовёшь.

Он помогает мысли обнажиться догола,
исторгая вмняемый свет,

он же высвечивает ложь,
сводя её на нет.

Я пытаюсь мысли свои втолкнуть в чужую голову,
ещё не испорченные – девственные и комолые.

Я вхожу царственной особой в музеи, дворцы, храмы.

Я, не отрывая зада от стула,

под ровную нсту вентиляторного гула,
карабкаюсь на Эверест и спускаюсь к покойному

«Титанику».

Трагедии и драмы,

вознесённые праведником и хамом,
ищут благовоспитанных мест,

как вечно гонимые из-за мести странники.

Сгущается непонимание ближнего.

Щетинится дружба,

сторонясь гордыни:

каждый сверчок знай свой шесток.

Просят подлецы у компьютерного всевышнего

благословения на власть.

Первоначально задуманная твердыня

вся в трещинах от воровства.

Перебору кровосмесительного родства
не поможет никакая мазь.
Ему во всех земных порталах настезь открыты двери.
Выхватывая единицы из гуши,
из недр человеческой тьмы,
слепой от переизбытка гордости,
всесведущий и всемогущий,
накрыв нас покрывалом покорности,
он говорит победоносно: «Иду на вы!»

2004 – 2011

Эра нулей

Здравствуй, Солнце,

главный нуль,

достойно завершающий арифметику личной системы!

Скажи: откуда твоя сила,

сгибающая спины огромных планет

и держащая под контролем своё беспокойное стадо?

Я знаю, ты не тот, кто обнуливает без сожаления

громадные суммы достигнутых побед,

пытаясь безумным предательством увековечить имя

в похвальных речах и долгих проклятьях.

Это они, людишки – досадная белковая накипь,

нолики меньше ноздрей крысёнка –

в темноте злой гениальности

нарезают скорбное счастье голодным рабам,

якобы подражая твоему великодушию.

Кто они,

земные правители миллионов судеб,

вознесённые неизвестно кем

на троны, запретные для них, –

рождённые без любви дети богов

или кратковременные друзья сатаны,

запросто претворяющие белые струи добра

в чёрные страны зла?

Государственная

библиотека

Югры

КО

- 0138801 -

Под натиском нулей, а не значимых чисел,
цивилизация в геометрической прогрессии
ловчит и подличает
перед истиной,
выставляя иконы золотых телец
вместо канонических святых.
В эре нулей захлебнулась и моя бесхитростная страна,
не заметив, как беспринципные нули
вместе с нахальными шестёрками убили СССР.
Велика и другая опасность:
эта шушера может обнулить и Землю.
Всё зависит от нашего терпенья.
Солнце понимающе кивает головой.

июль 2009

В ожидании охоты

Н.Патрикееву, писателю и охотнику

Видно, что-то небо вспомнило –
опять всплакнуло дождём.
Осень ядрёную рубит капусту,
допахивает зяби последние клинья.
Грусть по журавлям незаметно
улетучилась сама собой.
Всё больше и больше забот
по встрече спешащей зимы.
Она, бойкая, не за горами.
Судя по народным приметам,
на днях выпадет пробный снег,
словно благословение Бога
перед трудной дорогой.
Сдержанно удивится чуду
обновлённый холодный простор,
оставив на первом негативе зимы
своё непроницаемое лицо.
Ждёт не дожждётся первой пороши
собака, скулящая по полю.
Не будь у меня языка,
я бы тоже, наверное, скулил:

так безудержно тянет распутывать
заячьи шахматные ходы;
не дышать, а пить синюю свежесть,
прощаясь на время с грузом лет;
благодарно целовать стволы
ружья за удачный выстрел;
сидеть у костра и сжигать
скверну повседневной суеты;
и миги естественной свободы
принимать как подарок небес...

июль 2009

Именно они планируют несчастья и радости, разжигают войны и костры ненависти, отнимают разум и наделяют абсолютной мудростью. От них устают, их приветствуют, им поклоняются, их проклинают, на них надеются.

В них время, проникнутое освобождением от страха, сковавшего и физически и нравственно человека, изнывающего от рабского труда и презымающегося перед жизнью. Пусть растут вверх корнями деревья и облака стелятся по земле, пряча от неё врачующее солнце, но душа распахнута настезь перед новыми улыбчивыми известиями!

Да здравствует рабство счастливого времени!

август 2009

Я помню, как про себя поминая бога,
мы чертей турбиной бурильной пугали
в земной глубине,
где искали её сиятельство нефть,
и весело шутили: «Как не прячясь, дорогуша,
всё равно тебя найдём!»
Разве забудешь чечётку в кирзачах
под крепкие морозы в люльке верхового
и внеплановые авралы по «намыву ствола»?
И смерть не раз махала беспощадной косой
на буровой:
Лебедев Коля, Колесников Миша, Балахонцев Витя
и фронтовик Барый-абый – её урожай.
Когда нефть впервые у меня в пригоршне засияла,
словно сотня улыбок,
я радовался точно мальчишка,
поймавший первую в жизни рыбу!
Золотые ребята с той буровой,
как и армейские друзья,
в красном углу памяти моей –
до самой доски гробовой...

сентябрь 2009

На родине

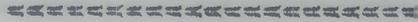
Что-то всё необычно и светло, —
неужели это в честь меня?!
Как никогда радушно солнце.
Словно на праздник вырядилась земля.
Небеса выбриты до синевы.
Нива наперегонки с ветерком.
Летний день с истомой.
Сердце вот-вот выпрыгнет из груди.
В горле ком.
Уста немые.
Я дома...

сентябрь 2009

как быть им, если они не в силах помочь тебе
в искуплении совершённого греха?
Разводить руками – это не значит быть равнодушным.
Не на всё в должном мире хватает слов.
Эх, знал бы ты, Серёжа, сколько горестных раздумий
переживут наедине беспокойные родные души,
с твоею неупокоенной соединившиеся навек,
пока горе не превратится в светлую печаль?!
Кто измерит их молчаливую боль?
Это не осуждение, Серёжа.
Это бесплодная оценка горя.
Правильная оценка – в душе у Бога.

К великому сожалению, я не дождусь ответа, –
там, где ты, нет ни бумаги, ни чернил.

сентябрь 2009

Обыденность

В основном жизнь – серое немое кино,
с несколькими цветowymi пятнами за весь сеанс,
но человечество (на 98%) – необъятное животное –
проживает её без особого напряжения миллионы лет.
Всё неизменно: под завязку набитые желудки
не слышат сиплого шёпота стиснутых лёгких,
тоскующих по глотку свежего воздуха;
голова, как кастрюля с прокисшим супом,
в рабочем состоянии едва говорит «да» и «нет», –
высокопарные идеи ей переваривать не под силу;
как тихая пронирливая мышь, нелюбимая работа
день за днём, подстёгивая нас, съедает лучшие годы;
ради семьи подальше от совести прячем чувства,
механически наслаждаемся пустышкой – привычкой
и, словно монах, суеверно боимся внезапно любви;
дети растут как пастбищная трава, сами по себе,
в том же диком порядке мужают внуки
(не в этом ли загадка животного равнодушия
и скотобойной покорности перед жизнью –
из-за скудности всеобъемлющей любви?);
вспоминаем о грехах и Боге, когда горе внезапно

одним ударом просветляет скромные мозги
и заставляет почувствовать себя букашкой
(многие лишены и этого печального озаренья!)...

Отняв у вечности целый миг, боимся признаться
в тупом убийстве своих талантливых дней
и скорбно выходим в окончательный тираж,
честно осознавая неотвратимость календаря.
Смотрим на себя как на падающую звезду
в самом разгаре августовского звездопада,
когда высокие материи, гнетущие избранные
умы, выходят из разряда запретных плодов
и становятся венцом мудрых посиделок
любопытных босяков из голодной деревни.

Кто из нас не испытал щекотку воспоминаний,
роняя не прошеные слёзы на близкую землю?

октябрь 2009

Линька времени

Подозрительно открыто,
одна за другою,
как карточные домики,
рассыпаются незыблимые связи —
скрепы атомов,
мыслей,
любви.

Кто-то незримый,
вселенскою рукою,
расплетает главные вязи,
держащие подзвёздный мир.

Сколько крови пролито после Христовой,
человечеству не отмолиться вовек!
Не зря речи в своё время непонятых пророков
толкуют о предстоящем возмездье
ласковых кумиров порока
за безбожное попрание престолов
и самодовольный смех.

Уделы потайных,
уцелевших скитов —
святохранилища непобедимых предков —
гнетутся в руках мародёрной братвы.

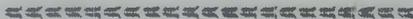
На телеэкранах иуда хвалится рожей небритой,
кряхтением над фразой простою
и флагом цвета свёкольной ботвы.
Блаженного обжигающие слова,
 словно последние яблоки в саду, —
 мужеством и скорбью полны.
Трясётся от негодованья врага бритая голова,
знает, кому гореть в аду
 в пользу растоптанной страны.

октябрь 2009

Русской зимы обычное приволье –
это всё равно сказка для заморских гостей.
Пусть не видно медведей с чёрной икрой,
и от Садко нет вестей,

но тройку славят бубенцы,
и мужик дрова для бани колет,
и день с особой серебристой искрой,
как зрелая шкура чёрно-бурой лисы.

октябрь 2009

Метаморфозы победителей

Святому поколению победителей посвящается

Они, едва успевшие познать
горести и радости новой эпохи,
наступившей после выстрела «Авроры»,
и обретшие в кои разы надежду
на новое солнце всенародной мечты,
под визги гармошки, причитания и прощальные слёзы,
как заведено на Руси,
уходили на Страшную Войну.

Потом,
исполнив до конца свой ратный долг,
одна половина из рукотворного ада вернулась домой,
а вторая осталась в объятьях смерти,
так и не увидев реющий над рейхстагом
Красный Стяг Великой Победы,
как грозное предупреждение будущим врагам.

Помянув погибших и выпив за Победу,
они, засучив рукава и по-мужицки поплевав на ладони,
на зависть и удивление всему миру,
в считанные годы из пепла возродили великую страну:
поля сражений превратили в золотые нивы,
заставили дымить новые фабрики и заводы,
укрепили в ущерб себе боевую мощь отчизны.

Они первыми снарядили русского парня
в первый внеземной полёт
и его глазами взглянули в бездну космоса,
удивившись великой тайне.

Они сделали бы во сто крат больше,
если б их Вождь был бессмертным
и на его место не пришли продажные болтуны,
при которых страна заболела душевной проказой,
и всё встало с ног на голову.

Но даже и тогда не могло присниться в самом дурном сне,
что доживут они до позорных дней,
когда крючконогая небритая шваль их сравниет

с гестапо и СС,
СССР с людоедской Германией,
а Человека,

чьи войска спасли мир,
поставят рядом с Гитлером,
вдобавок и свои придурковатые внуки
будут укорять Победой в сорок пятом,
власть лицемерно вспоминать о них однажды в год!

Что возмущение стариков,
кого оно страшит и кого совестит?
Они продолжают по-прежнему скромно жить
и тихо уходить к своим друзьям,
имея одну единственную привилегию,
данную не властью, а Богом:
апостол Пётр их без очереди впускает в рай...

ноябрь 2009

В комнате ночи

В комнате ночи одинокая лампа луны
играет в таинственность теней,
одновременно баюкая влюблённость
и её обнимающую грусть.

В киселе душистой тишины
вязнут звуки, словно мухи,
но слышно вблизи как «бьют» перепела,
кричит удод, дёргает коростель.

Эти ночи запоминаются нами
безотчётно, ярко, навсегда,
чтобы в минуту опустошающей тоски
опять войти в то время и прислониться
к нему, как сильному плечу молодости,
и на миг ощутить себя вновь
беззаботно счастливым, как в той
бессмертной тишине лета.

ноябрь 2009

Честный делёж

Любимая!

настало время делиться с тобою сокровенным,
чтобы чувства не разметал осенний ветер,
разносящий по свету печальные воспоминания,
и нам не пришлось годами стыть под дождём.
Я покажу тебе разноцветные луга с бойкими травами,
с которыми породнились и нашли общий язык
и шмели, и бабочки, и стадо с ангельскими ягнятами;
впущу в свои запретные для чужого глаза леса
и познакомлю с древней песней глухаря,
в тишине хранящей миг рождения весны;
пройдёмся по непривычным аллеям настроения,
изумляясь переменчивости спокойного сердца;
однажды проведу к дубу на сияющем холме,
там с тобою наедине поговорит могучий орлан
и ты многое узнаешь со слов мудрой птицы
и полюбишь людей гордых и таинственных в жизни;
мы вместе отыщем неприметную лужайку в лесу,
где первые ландыши начинают манить любовь;
я поднимусь с тобой в ранний час на знаменитый утёс,
и ты воочию увидишь распахнутую зарю
над вселенной двух великих русских рек

и не заметишь ошеломляющих слёз, стекающих
по прохладным щекам при виде неземного чуда;
я расскажу о самых преданных друзьях – книгах,
познакомивших меня со всем человечеством;
я поведу тебя на излучину реки, где удобно
в заводи обосновался щучий санаторий,
а в соседнем лесу иволга тысячелетней печалью
провожает в дальние края очередное лето...

Любимая, не обижайся, но с совестью и честью
делиться не буду ни при каких обстоятельствах,
они – мои главные охранные грамоты в жизни,
без них я – ни о чём не говорящая фамилия,
а нужен ли тебе формальный человек?
То же самое ты можешь сказать о себе...

ноябрь 2009

Подсолнухи

Я вбираю время в себя, как свежесть зари,
и, словно ангел в толпе радостных солнц,
улыбаясь, вхожу на парадное поле.
Там же, немного погодя, появляется мама.
Ничуть не постаревшая, она спускается с неба.
К спелым пахучим караваям подсолнухов,
гомоня, слетаются вездесущие воробьи,
улетающие в южную командировку грачи
и прочая прозорливая пернатая рать.
И на поле разгорается древнее пиршество!
Нам с мамой известно, это последнее лето
привычной жизни, будущей весной Менситово*
переселят в соседние Каратаи. Там на голом
поле вырастает новая деревня, где отец
с драчливым зеком рубят на пригорке дом.
Леспромхоз пилит последние делянки
высоких деревьев и вырубает кустарник –
тщательно готовит Волгу к затоплению.
В Куйбышеве запустили гидростанцию,
ей теперь нужен напор большой воды.
Берия объявлен предателем и расстрелян.
Сталин пять месяцев покоится в Мавзолее.

Человечество вот-вот разменяло вторую
полсотню двадцатого демонического века.
СССР упорно, из года в год, набирает силу.
Осталось восемь лет до полёта Гагарина,
тридцать восемь до развала державы.
Это предстоящие трагедии и победы,
а сейчас я с любимой мамой собираю
на поле зрелые корзинки подсолнухов,
словно про запас свои счастливые дни.

декабрь 2009

** Мою родную деревню Менситово в 1954 году
из-за строительства Куйбышевского водохранилища
переселили в деревню Заовражные Каратаи, которая
со временем тоже стала родной. Затопление Волги –
это ещё не рассказанная трагедия людей,
живших тогда на берегах великой русской реки.*

Плач ребёнка

В соседней квартире, как в другой вселенной,
глубокой ночью в многолюдном доме,
не переставая,
плачет и плачет безутешно ребёнок.
Никто не злится на плач,
сжимающий от жалости бетонные стены,
и поэтому никто не стучит по трубая,
взывая к совести соседа.
Молчат встревоженные сердца,
словно птицы под раскатами грома.
Застыл в немом оцепененье мороз,
державший город в ледяном кулаке.
Плачет и плачет ребёнок, как будто всё его окружение –
безжалостные враги,
и его хрупкое тельце вот-вот что-то страшное
утащит в непроглядную мглу,
и ему никто не поможет.
Этот плач и крик о помощи, и крик надежды,
и крик из настоящего в будущее,
чтобы там,
когда-то осознав заматерелым сознанием
суть вражды добра и зла,
самую непознаваемую симметрию сравнений,

взрослый ребёнок отчётливо вспомнил
прежнюю беспомощность
только что вернувшейся из таинственного мира
в чувственное бытие обновлённой души
и по-настоящему мудро оценил главный звук жизни –
звук живого человека,
где, возможно спрятаны ноты судьбы.
Услышал и вновь пережил непередаваемый страх
своего безудержного плача,
который по велению Бога
тогда остановили нежные материнские руки и слова.

декабрь 2009

Логическая ошибка

Да...

Я тоже ошибся...

Как все...

Жизнь коротка,

и не успеваешь понять весь смысл
заданной ею событийной геометрии.

Она, словно беспредметное облако,
меняющее свои очертания по воле игривого ветра.

И ветер больше напоминает судьбу,
нежели самого себя в роли главного режиссёра
небесных спектаклей.

Жизнь коротка в любом измерении:

и с точки зрения проходимца,

и с точки зрения мудреца.

Как будто заранее отмерены

равные расстояния до «безносой»

и вору и королю.

И чем бы не удлинялась жизнь –

бездельем, болезнью, сном, долгой неволей –
она всё одно беспредельно коротка.

И вечность, согласно сумме человеческих жизней,
тоже может быть конечной,

едва вмещааясь в воображаемый круг вещей.

Не успеваёт крик младенца
раствориться в эхе,
как его силуэт исчезает
в тумане небытия.
От удивления вскинутые руки хотят
обнять и удержать
убегающую жизнь,
но на прощание остаётся лишь вздох сожаления.
Вздох как точка после всего.

январь 2010

Мы те, кто вдали от родного гнезда
не ославлен и не прославлен,
часто улетает в снах к исчезнувшим домам,
просит чужое племя сберечь оставленный нами окоём:
черёмуховую вьюгу старинных садов,
соловьиные раскаты над нерестовой рекой,
малиновое на закате половодье,
белоснежную шаль зимы
и главное – Риммочкину сосну,
живую память о нас и былом.

январь 2010

Крутилось колесо водяное

О чём думал я тогда, когда смотрел
на свой маленький ДнепрогЭС, –
крутящееся под напором вешней воды,
в снежной канавке,
сделанное из шпильки и лучинок водяное колесо?
Мозг восьмилетнего мальчишки –
это и бездонная любознательность,
это и утвердительная радость познания,
это и неустанный полёт воображенья
и – напоказ выставленная тайна.

Я был удивлён вращением колеса:
как же так – вода бежит вперёд,
а колесо крутится назад?
Вот так, сомнением порядка вещей
в непорочное существо, стоящего у ступней бога,
входило властное колесо судьбы
и начало наматывать возрастающую жизнь
в особый клубок.

Перед собственной смертью оно подарит его мне,
чтобы я успел в отпущенные мгновения
прочитать самого себя как единственную молитву,
потом спокойно открыть дверь горизонта
и выйти в безбрежность вселенной.

Это не раз тревожило мою память,
словно напоминая о величине намотанного клубка
и в нём – о соразмерности накопленной правды и лжи,
определять: иду ли вперёд, как тот серебряный поток,
или, как колесо возвращаюсь назад,
в поисках чего-то забытого или потерянного,
очень важного для полного объёма грядущих дней
неизвестной жизни.

январь 2010

Лик родины

До чего же колоритна керамика бабьего лета, –
куда до неё мрамору снега!

В скромном багете

мазутного века

математически непревзойдённые оттенки
красок,

собранных вместе.

Такое полотно,

можно сказать без лести,

нигде

не купишь ни за какие деньги.

Как память сторговаться сумела, – не сказала,
но картину приобрела.

И выставочным залом

ей стала тоска моя

неприкаянная,

словно одинокая стрела.

В ней всё дорого – и вечность, и миг, –
потому что, как лик Христа на плащанице,
в многомиллионных лицах

на ней

отпечатался родины лик.

февраль 2010

ввинчивался яростными раздумьями в смысл бытия.
Я всегда чувствовал тепло рук бабушки Насти,
сохранённое моей незаменимой подушкой.
Оно входило в меня целительным лучом добра
и в ответ обязательно требовало добра и правды.
И когда её совсем ветхую отнёс в мусорный контейнер,
мои глаза затуманили слёзы, будто я хоронил прошлое,
где многое было настоящим, непритворным,
искренним, бескорыстным, справедливым, любимым,
а жизнь пахла свежестью тщательно промытой травы,
как после летнего очистительного ливня...

февраль 2010

Штрихи к автопортрету

Во мне отсутствуют жестокость и уверенность
кованого сапога.

Во мне больше нежности полевой гвоздики
и сентиментальности летних рос.

Я обожаю анатомировать заклятого врага,
стараясь по возможности его облагородить
(если он, конечно, не прохвост)

При сельской скромности я довольно-таки дикий –
могу крепко ударить за непочтенье к себе
(не люблю чужих козлов на родном огороде!)

Я стараюсь, как осторожная рысь средней полосы,
избегать невидимой подянки
и не кататься бесплатно на судьбе
как на колхозной коняге,
которой под силу любые возы.

Раскиданы мои скромные желанья,
точно руки посреди цветущих ромашек
на тихой лесной полянке.

Душа, ошкуренная в передрягах,
пусть и не очень страшных,
предчувствует заранее
свет необычный, свет небесный,
исходящий от стеснительной надежды.

По поводу элитности

Я не был элитным ребёнком.

Хорошо это или плохо, —
сказать не могу.

Мои бурлацкие гены,
переплетённые с крестьянскими навеки,
мне с детства дали самостоятельность орлёнка,
плечо для друга и уважение к врагу.

Я, не обращая на наветы,
вместе со своим поколеньем,
как из турецкого плена,
убегал от бедности, ненавидя её.

Из-за неё,
имея светлые головы,
но не имея за спиной мохнатых рук,
мы невольно входили в замкнутый круг —
в униженно-возвышенный класс работаг.

Редким из нас,
самым упёртым,
не рублём, не путём обмана и всяческих передряг,
но своими мозгами,
которые, казалось, вот-вот лопнут с натуги,
как лопается бочка, замёрзшая до дна,
получая благословенье от труда,

чудом удавалось выходить за пределы круга
и проходить по особым билетам туда,
где никогда не знали бараков и общаг,
не было пота, ожиданий аванса и получки
и детей рожали с серебряной ложкой во рту.
И всё же потное сословие простолюдинов
дальше первого этажа в *то* зданье не пускали,
выше –

избранным становилось от пота неволю,
да и жизнь там напоминала одинокую льдину.
Побывки хватало,

чтобы отметить, не зубоскаля,
что *элита*, что *быдло* –

две стороны одной монеты,
неизлечимая болезнь жуткого самомнения
у одних – наверху, у других – внизу.

И сокрушаться,

как мало в юдоли ветхозаветной
истинно искренних самобытных людей,

не тех большевистских гвоздей
для обшивки революционного корабля,
а волей железной, верой православной в себя,
в крепость и святость отчизны своей...

Не поэтому ли так ослабла

наша русская земля?

март 2010

Немного погода прозвучат

и первый крик травы,
и первых соловьёв любовный звукоряд.

Лето сварит волшебное зелье,

чтобы его опробовашие жрецы,
без магического вздора,

тихо помолились за здоровье

своенравной сибирской зимы.

Она, пусть и вздорная порою,

достойна поклонения и любви,

как единственная женщина,

любимая тобою...

март 2010

Бредень

Казалось бы, пора забыть за давностью лет
те бредни
(насчёт преступного браконьерства),
что нёс тогда начальник местной милиции,
отнимая у нас, мальчишек, бредень
и небольшой улов.

Ему было наплевать
на испуганные заплаканные лица,
на детскую мольбу не отнимать
купленную в культмаге снасть
(значит, разрешённую властями!).

Начальник был из тех татарских «котов»,
кому карьера важнее матери с отцом,
кто способен разогреть протокол страстями
и порядочного человека выставить подлецом.

Он не сжёг наш бредень, а за что-то отдал
в соседний аул, на птичник, своему дружку.

Кто был в тот день с законом в ладах,
а кто показал себя как заправский ушкуй,
рассудит тот, кому подвластны небеса.

Через неделю за бутылку бредень вернулся к нам
и достойно прошёл с ребячьей ватагой
все положенные ему огни и воды.

Весенний дождь

Жду,
когда придёт застенчивый дождь,
как поддержка краткосрочному одиночеству.
Он неловко потопчется возле дома,
подслеповато взглянет в окно,
встретится с моим рассеянным взглядом,
почему-то смутится его
и уйдёт незаметно
поить жаждущие поля.

апрель 2010

пожизненной памяти.

Она, не спрашивая нас,
вела той дорогой,
где всё было искренним и настоящим –
своеобразный кусочек небесного рая

на мгновение.

Кто может сказать, когда исчезает любовь?

В бессилии разводит руками тысяча

Шерлоков Холмсов,

в смущении бороды теребят мудрецы.

Любовь приходит тайно,
также тайно уходит в тайные края,
которые и называются Царством Вечной Любви.
Бывшим влюблённым остаётся горевать о ней,
как детям о желторотом птенце,
нечаянно выпавшем из родного гнезда.

апрель 2010

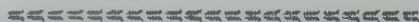

Чуточку моё время

Мощное пенальти –
в меня летящее время.
Не знаю, куда оно ударит
или просвистит всё-таки мимо,
кого-то заставив крикнуть: «Г-о-о-ол!»
Время как сухая получка без премий,
как ртуть в стеклянной таре,
которая, точно котёнок игривый
пометит отравой истоптанный пол.
Время падающих стен и тиранов,
их не удержат никакие подпорки.
Обновлённое обновляется снова
и будто новизна забыла истину –
все повторы набивают оскомину.
Время чужое, но чуточку и моё,
не более капли крови из раны
от входа пули, убившей Лорку,
а значит, и невысказанное слово.
Дерево Федерико с постаревшими листьями
прощается с летнею истомою.
Ложными огнями расцвечено
время гундосого пророчества.
Оно ждёт в старинных свитках

свои тайны из сновидений вещей
в минуты сатанинского откровенья.
Глухо звенит в бокале вечера
время расколотого одиночества
как лёд для любимого напитка
моих прежних влюблённых женщин,
возрождённых из аромата юной сирени.

апрель 2010

Мысли моих предков

И предыдущее человечество верило,
а потом через своих богов узнало, —
мысли никогда не пропадают зря.
Они, как вновь рождаемые звёзды,
приносят свет во тьму вселенной,
безвозмездно помогая солнцам галактик
продвигать в будущее жизнь.

Наслаиваясь подобно геологическим
горизонтам бронёю на теле космоса,
мысли из случайной закономерности
выстраиваются в упорядоченное
великолепие несокрушимого разума.

Наверное, никто не подсчитал,
сколько сил тратится разумом
на генеральную чистку душ,
погрязших в земных грехах.

О, святость безвозмездной сердечности!
Не в этом ли суть людского сословья,
живущего под покровом Богородицы
на бескрайних печальных просторах
очень странной великой страны,
в которой не днями, а веками, — веками! —
молитвами и мыслями возносятся

предназначение и тайные силы
родной земли до небесных высот?
Возможно, и плат тот спасительный,
что больше любим матерью Христа,
соткан из мыслей бесхитростного народа
и защищает его от гибели не впервой.
И быть мыслью-нитью в святом покрове
для смертного – великая слава и честь.
Не зря только самые зрелые, самые чистые
мысли моих предков тихо уходили
в непостижимую умом горнюю высь,
подавая пример мне, тебе, всем нам, –
лишь очищенные мысли спасают душу.

май 2010

Юрий Гагарин

С рождения до *того* вселенского мига
в великих муках вынашивала Русь
его

улыбку,
глаза,
слова.

Вынашивала,

как Мария Иисуса,

для Голгофы и славы.

Его имя ждали

и смерды, и волхвы.

В мечтах землян он виделся

молодым белозубым богом.

Мечта проступала и на скалах –

скафандры, ракеты...

И был потом день – 12 апреля 1961 года

от рождения Христа.

И была Русь – строгая и молчаливая.

И был он – уходящий к Богу.

И было его слово – поехали!

И был день тот не судный,
был день тот – озарение,
день – шаг в мечту.

И в день тот он зажѐг огонь в будущее
спичкой-ракетой

и возвестил о белых временах
Голубиной книги,

став наречѐнным сыном Земли.

О время всеобщей радости!

Ты весенним ливнем пронеслось
над ожидающей планетой,

вселяя в сердца

веру,
надежду
и любовь.

И все же сквозь восторг миллионов он прозревал
опрокинутые небеса:

сначала салюты, после – плаха.

Человечество не избавилось от забавы
убивать идущих впереди,

словно они затмевают его раздутое величие.

И потому однажды земные боги начинают
привыкать к бесконечности...

Бунт высокомерного компьютера

Там, вдали от лжи, он завяжет
непокорный шнурок на ботинке
и виновато улыбнётся скорбеющей планете,
где великая страна в чёрный мартовский день
похоронила свою радость.

И знает Всевышний,
не завтра, но в положенный срок
завистью убитый сын явится на землю родную
святым Георгием Гжатским,
чтобы вместе с русским народом
поднять с колен обессиленную Русь...

октябрь 2005 – апрель 2011

Солнце с изнанки

Они не вернуться.

В какую бы волшебную сказку со счастливым концом не поместить их, они не вернуться. Это как дважды два.

Не возвращаются проплывшие облака,
напрасно лёгкой тенью утешая тебя.

Не возвращается опавшая листва,
примирия деревья с постоянной смертью.

Не возвращаются детство и первая любовь,
и память по ним гложет сердце как собака
старую кость.

Не возвращаются навсегда ушедшие за горизонт
дорогие люди, они словно стесняются, что придут
без теней и общаются с нами только через
память и любовь.

Не возвращаются мысли, шаги, голоса, события,
пейзажи, империи, вожди... Памяти не под силу
возвратить всё это в перевозданном живом виде,
как человеку не дано увидеть Солнце с изнанки...

Ничего из прошлого, кроме памяти, не возвращается...

май 2010

Думы о родной деревне

В родной деревне, обезлюженной и смертельно тихой,
я, как космонавт на чужой планете,
шагаю сторожко по заросшей тропинке,
будто по заброшенному погосту
в поисках дорогих могил.
В тишине жизнерадостного лета милая обитель –
державная память легковверных сынов и дочерей, –
словно больная старуха без присмотра,
угасает в беспробудной тоске,
вспоминая отзвевеншую молодость,
где в весеннем наряде цветущих садов
она была сравнима с невестой, выходящей к жениху.
О, век без божьего промысла, век саганинский,
век – убийца русских деревень!
Вы все теперь старитесь и умираете в одиночестве,
по-матерински печалась о детях,
убежавших от вас в тюрьмы многолюдных городов,
подобно рыбе искать кормовые места.
Я тоже из тех, кто поменял тебя на чужбину
и, дожив до седин, приехал по зову памяти
перед тобой повиниться не как блудный сын,
а как сын достойный твоей старины.

Виноваты мы, сильно виноваты,
оставившие вас без крепких рук и надёжных плеч,
и потому на душе не кошка, тысяча кошек скребут!
Эх, знали бы вы, родные, как тоскуют
оторванные души, помнящие вас до единого
человека, до единого дома, до единой тропинки,
до единой ракиты вдоль печальных дорог!
Кто не жил на чужбине, тому меня не понять.
Там всегда душе чего-то не хватало.
Теперь я знаю – тебя.
Твоих соловьиных и черёмуховых садов.
Твоего Каратаевского мыса, лежащего у Волги,
как лодка готовая к просмолке.
Твоей Риммочкиной сосны, часового деревни.
Твоих людей, до конца дней оставшихся верными тебе.
И упокоимся мы не на родных погостах,
где пращуры лежат – один Бог знает – до какого колена,
а на своём чужбинном, для романтиков,
когда-то приехавших сюда
за туманом и за запахом тайги...

июнь 2010

Учись, мой мальчик, метко стрелять!

сыну Петру

Да, жизнь – не миска супа,
не утреннее поле,
не вдаль зовущий горизонт.
Она – трагедия,
которая играетя зачастую грубо.
В ней и твоя назначенная роль
уже видна сквозь сон.

Учись, мой мальчик, метко стрелять!

Друзья все в детстве – с чистого листа,
но жизнь друзей расставит по местам:
ни южный человек,
ни иноверец
тебе не будут другом,
любой из них при случае продаст,
лишь русский будет верным другом,
лишь он не бросит, не предаст.

Учись, мой мальчик, метко стрелять!

Скорбя и удивляясь, ты не раз увидишь,
как власть по поводу и просто так
безудержно нам, как цыганка врёт;
как, не краснея, обещаниями кормит,
кривя фальшивой скорбью рот;
и как вдали от микрофона говорит на идиш;
и как люто ненавидит собственный народ.

Учись, мой мальчик, метко стрелять!

В отчаянье не рви рубаху на груди,
победа любит волевых и хладнокровных.
Запомни: кто на коне, тот впереди.
Как видишь, отечеству навязанная власть,
народам – русскому особенно – не всласть.
И ваша цель – порядок навести в Кремле:
проветрить от чесночной вони,
прогнать поганую метлою чужих людей
и стать хозяином родной страны,
хозяином законным, полновластным,
на предках завещанной земле
и благословения Творца – навечно!

Учись, мой мальчик, метко стрелять!

лето 2010

Катарсис

Жара. Арбузы. Рынок.
Белая сдобная женщина плывёт
в похотливом взгляде немытого кавказца.
Толпа едва сдерживает в себе диарею
заразного лета.
Безоблачное безучастное небо
над растерянной землёй,
словно бомж над распотрошённым контейнером.
Уязвлённая наука ломает голову
над разгадкой безжалостной жары
в стране рекордных холодов
и в силу привычки улыбочиво врёт о прогнозах.
Поэт рисует акварелью растёкшего мозга
умирающий пейзаж в пламени жары.

июль 2010

У порога зимы

Серьёзная осень,
но, как положено, сентиментальная.
Солнечные птицы улетели на юг.
Детвора согласно календарю,
морщась,
грызёт гранит науки.
Планы жизни – обычные,
не выше житейских запросов.
Досада, как соль на кончике ножа,
да и то на плохой клёв язя.
Чувства надолго законсервированы лёгким ароматом
ожидания.
О, благословенная щекотка охотничьего азарта!
В ночь пролетающих гусей,
устав от слякотного настроения,
душа будет перечислять положительные черты
первого снега
и оздоровительный эффект морозной зимы.

август 2010

Мозаика родины

Едва обозначенной тревогой
дышит безлюдная дорога.
Спешит куда-то ветер напрямик,
через вспаханное поле,
беспокоя зайца в уютной борозде.
Назначенные встречи,
словно расставленные силки,
к вечеру удовлетворятся немой пустотой.
Исучающие круги
последний коршун лета
совершает над знакомым до молекулы
пространством.

сентябрь 2010

Вычеркнутые дни

Дни,

как близлежащие на пляже женщины,
без надежды и чувств.

Всем известно,

оргазм без любви – заурядное рукоблудье.

Дни,

как еда без соли,

как цветы-пустоцветы.

Дни серого безмолвья

празднично одетых мыслей.

Дни

после с размолвки с любимой.

сентябрь 2010

Женщине, которая прошла мимо

О.Т.

Она была красива той красотой,
что заставляет оборачиваться здания,
людей,
спешащие облака.

Она возникла неожиданно из струящейся толпы
и растворилась в ней,
словно красивая капля дождя
в отвесном потоке самоуверенного ливня.

Она прошла мимо жгучим временем,
временем незабываемым и напоминаемым.

В ней не было
костыльной красоты модели,
сытой красоты итальянских мадонн,
чахоточной красоты тургеневских девушек.

В ней была здоровая красота
возвышенного и печально-напряжённого века —
века войн, революций и ожиданий.

Она была недосыгаема для женщин с их завистью,
закатанной в металлическую улыбку.

Она была вожденной мечтой
мужского самолюбия и потаённой гордости

и несла красоту как ядерную бомбу,
готовую вмиг разнести вселенную мужского эгоизма.
Она вернётся кому-то в зорях будущего,
современно отражённая в зеркале времён,
пусть размытой, но истинно сохранённой красотой.
Она придёт любовницей в мои

ненасытные до её тела сны.

Я отвечу ей дурманящим ласковым шепотом,
заставляющим забывать, где небо, где земля
и мгновенья рая искать в горячей тишине.

Я буду для неё весенним лесом,
разбуженным скандальными соловьями,
призывающими к грешной любви.

Она на время, отпущенное страстью,
станет единственной моей возлюбленной.

Женщина, которая прошла мимо,
мне напомнила одинокую ветку сирени
на пустой обшарпанной скамье...

сентябрь 2010

Враги моих слов

Там,

куда меня обязательно должны были позвать,
про благодарность предпочитают молчать,
про величие своё – тараторят всей губящей стаей,
про правду? – она их вывеска.

Правда, читаема как ложь.

Там,

подстёгивая искусственное раздражение
небылицами про почётных дураков,
благоразумные лица с остервенением

гонят прочь память обо мне.

Они, как на грех, умны подобно городским крысам
и минутно храбры, словно барсук у норы,
поэтому предвосхищают справедливые удары молний.

Для них мои новые слова – хлеще запаха ладана

в стане высокомерных чертей!

Была бы их воля,

они меня посадили на кол,

но пока с каждым новым стихом

распинают на словесном кресте.

сентябрь 2010

Женщина-весна

Как мало на свете умных красивых женщин!

Кто они, эти внеземные существа,

окутанные тайною железных легенд

и несущие себя,

не расплёскивая ни капли излучаемой радости?

Они, словно мгновенья счастья в гулких трущобах буден,
где серость день за днём убивает радугу жизни.

В них расчёт и рассудок – не крылья любви,
а рудименты прошлых дней.

В них не живут пресловутые лёд и пламень,
дающие в сумме глоток прохладной воды.

Их страсть – всё возрастающая бесконечность.

До них нельзя дотронуться,
как до жены, сестры, любовницы.

Их обнимают только взглядом,
ничего не требуя взамен.

Их невозможно разглядеть со всех сторон,
как драгоценную вещь,

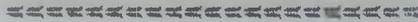
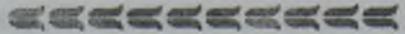
самое важное окажется за завесой,

за гранью,

за светом.

Их любят, как луну,
как манящие в бессмертие звёзды,
не принимая во внимание их личную недоступность.
В них видят весну,
когда та в пору цветенья
затмевает собою весь восторженный свет
и заставляет поверить в любовь длиною в жизнь,
редким счастливым её благосклонно даря...

октябрь 2010

Миска

И там – миска с постной едой.
И здесь – та же миска.
И запах тот же, и вкус не изменился.
Между мисками – ложка надежды.
И она хлебает всё ту же болтушку.
И люди с несменяемой миской
по закону ничтожней рабов.
Между мисками – моя преданная присяга
вместе с проданной за миску родиной.
И Богородица в раздражении убрала
реявший над нами спасительный плат.

октябрь 2010

Стихи в защиту труда

Я вдоволь натерпелся на собственной
рабоче-крестьянской шкуре
экспериментов экономического садизма
и потому свирепо ненавижу кондовую бедность,
стирающую в пыль человека,
как впрочем, и неподъёмное богатство,
нажитое неправедным путём.

Во мне самом – и мой заработанный ленью голод,
и моя красавица изба,
вкусно пахнувшая пирогами,
и мой почёт и мой позор –
всё за счёт мозгов и рук.

Я не хочу гневить Творца
и рычать, как собака на сене,
сидя на эвересте денег,
и в пользу сырых с размахом отдавая копейку,
улыбаться так,

словно мне вот-вот отрубят руку.

Я не жмот и не мот и не генетический лентяй,
довольный, как пташка, малым.

Я люблю тело, горячее от трудового пота,
и мозги, звенящие от напряжения
над разгадкой формул и схем.

Бунт высокомерного компьютера

Мне по нраву – желанный умный труд,
греющий сознание созидательным теплом.
И у меня одна просьба к власти:
не мешать мне строить коммунизм
для моей семьи.

октябрь 2010

Автору обожжённых слов

Марине Цветаевой

Я не Бог, Марина.

Это он отпускает грехи
и окужает вечной любовью,
все действия совершая

с горним изяществом.

Твой последний полёт не могу сравнить ни с чем,
не нахожу ни примирительных, ни осуждающих слов.

Загнанный человек страшнее зверя
и бессильней тишины.

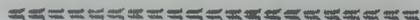
Омут, пуля, петля, скала ... – всё годится,
чтобы уйти от себя,

когда разум верёвкой отчаяния связан по рукам и ногам
и замордованная жизнь не дороже коробки спичек.

Кто мог тогда в захудалом татарском городке
понять переполненное печалью сердце поэта
и обогреть его озябшую душу?

Да и многие ли в те годы становились на колени
перед твоим обожжённым Словом,
вытащенным из пожара бытия?

Бунт высокомерного компьютера

Кто не видел неба,
тот никогда не думает о нём
и не горюет от его отсутствия.
Ты верила: твоё время придёт,
но не скоро,
пока не осядет муть революционных строк,
и поэзия остолбенеет от восхищения.
как хозяин при внезапном приходе дорогого гостя.
Так радуется пустынная дорога
голосистому путнику,
чьи песни заставляют её очарованно следовать за ним
до порога его дома.

октябрь 2010

Голос со дна колодца

Под масонским надзором непонятной власти
мои внимательные серо-зелёные глаза,
ибо они тотчас же замечают подлость,
намного раньше других частей тела.

Мои уши, сверхчувствительные ко лжи,
моментально доносят её до трибунала мозга
в полном соответствии с жёсткой моралью,
обновлённой для нас Иисусом Христом.

Осуждённую людским законом подлую ложь
мой язык озвучивает окружающему миру,
показывая со всех сторон людоедскую суть
навязанной нам извне губительной власти.

Мои ноги, не знающие трусливого бега,
когда потребуется, быстро приведут меня
к логову тщательно замаскированной мрази
и погонят её до самой преисподней.

Мои руки, помнящие по армейской выучке
холодную сталь надёжного оружия,
ждут с нетерпением этот желанный холод,
чтоб испытать его на вражьем горле.

Моя душа, оскорблённая бесконечным
сверхтерпением слепоглухонемой толпы
бьёт в набат немногих свободных сердец:

«Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой
хазарской силой тёмною,
с дьявольской ордой!»

Я смущён, словно ребёнок, преданный всеми:
никто не слышит голос праведный мой!
И как его услышишь на безбрежном просторе,
если он идёт со дна глубокого колодца,
куда за ненужностью сброшена правда,
идущей с молотка горемычной страны?!

октябрь 2010

На Лобаче

На эту драгоценность,
панораму всеобщей любви,
обрамлённую в багет восхищенья,
нельзя смотреть на уровне глаза, —
она показывает себя только наполовину,
вторую скрывая для более высокого уровня.
Там, на вершине утёса,
выше полёта чаек и царственной скопы,
земное чудо заставляет
онеметь непокорный разум,
всезнающий язык и пронизательный взгляд.
Панорама растворяет человека,
как время цепкую память,
оставляя обнажённой замороженную душу,
будто зная, что красота — её любимое лакомство.
Тут и дружеское объятие двух великих рек
на радость разномастным судам,
и синяя нитка Сорочьих гор,
и золотой песок Боровой стрелки,
и первобытная мощь заповедных сосен,
и вальяжность Лаишева,
и татарская хитрость Атабаева,
и таинственность далёкого Куралова,
и уходящий в вечность небосвод,

словно зримый колокол бытия?
И мнится: вот-вот из-за Лаишева
покажется величественная фигура Державина
и громовым голосом он продекламирует «Бога»,
утверждая безупречность твёрдой веры,
дающей стержень уверенной жизни,
и вновь напомнит о нашей тщете
без Его любящих напутственных слов.
Господи! Я всё смотрю и никак не насмотрюсь
на диво дивное, как на яркий праздник
помыслов моих, возвышающих меня
над безмерной человеческой пустотой.
Любуюсь, ничего не опасаясь и тогда,
когда насупленные брови горизонта
грозят скандальной грозой.

октябрь 2010

Лобач – знаменитый утёс на правом берегу Волги в месте впадения в неё Камы. Сорочьи горы, Боровая стрелка, реликтовый сосновый лес – достопримечательности на левом берегу Волги напротив Лобача.

Лаишево, Атабаево, Куралово – селения на левом берегу Волги, видимые с Лобача.

Державин Г.Р. – великий русский поэт, родился недалеко от Лаишева.

«Бог» – гениальное стихотворение Державина.

Листья

Они не скорбят по ушедшему шуму
бурных споров с ветром.
Такой ярости мнений позавидовали бы
студенты-философы,
привычнее к туману слов,
встряске нервов и умов.
Листья не жалуются на время,
убравшее тепло в потайной карман солнца,
будто кто-то сможет его украсть в трамвае осеннего дня.
Они не проклинаят своих веток,
предавших их незаметно,
пока они беззаботно мечтали о неизвестном бессмертии,
точно в нём заключено их житейское счастье.
Они прекрасно знают,
жизнь и сила каждого листа
перейдут в набухающую почку,
где,
как в чреве матери,
толкается новый липкий листок.
Что касается одиноких листьев,
доживающих до снежной белизны,
то они предназначены для вдохновения поэтов.
Это особые, таинственные листья.

ноябрь 2010

Старческие упрёки

Боже, как отвратительна старость!

Видно, жизнь напоследок бережёт

свои подянки,

чтобы испробовав их под конец,

ты с радостью ушёл во тьму.

Я стал забывать имена женщин,

чьими телами в прошлом наслаждался

и которых честно, пусть немного,

но искренне и самозабвенно любил.

Это не было мастурбацией чувств,

это было их неожиданным взлётом

по закону непредсказуемых встреч.

Наверное, и они меня любили в те мгновенья,

когда теряя разум,

мчались вместе к пику наслажденья,

и были мы в то время единым телом,

телом светлого первородного греха.

Чем же я тебя, жизнь, так уж обидел,

если отбираешь у меня последний дар —

нагруженную, как телега, память?

Отбираешь с подлой усмешкой палача,

словно я на склоне лет устал тащить её

по тернистой дороге своего бытия.

Нет, дорогая голубушка, ты не права!
И я не приемлю твоей последней блажи, –
оставляемую мне белую равнину моего прошлого,
до того белую,
что против неё и солнечный свет выглядит серым.
Пусть память моя, слегка и расплывчатая,
надеется прочесть
обязательное приглашение звёзд
на предназначенное новоселье
вновь освобождённых душ.

ноябрь 2010

Причуды тишины

Тишина...

Слышно во вселенной,

как бьётся сердце,

маня настороженные планеты
незнакомым звуком – звуком жизни.

Тишина...

Слышно, как шуршат звёзды,
словно мыши в стогу соломы.

Вселенная очень похожа

на одинокий стог,

стоящий в бескрайнем поле.

И вспыхивает разом, точно стог.

Тишина...

Слышно, как перешёптываются в моей голове
толпящиеся слова.

Они хотят попасть в стихотворенье,

где каждый может говорить во весь голос

и радоваться, как ребёнок, изящным шеренгам
парадных строк...

ноябрь 2010

Потому она, познавшая терпение и ненависть
жаростных славян,
кому смерть красна в миру,
навечно обожествовала тех мёртвых,
что спасли будущее
для поколений живых,
шею свернув врагу.

Душа моя, желанный подарок справедливых небес,
невидимый жаворонок бытия,
я иду тобой ведомый без забрала за истиною в бой,
как тот солдат из второй мировой,
заслонивший меня собой,

и чья душа моею стала
и я обязан завет исполнить предыдущий –
другому оставить душу незапятнанной, чистой,
не стыдясь в прошедшем ничего.

ноябрь 2010

Волга новых времён

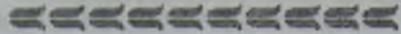
Снова ублюдочное время на Руси –
всё шиворот-навыворот вопреки небесам.
До неузнаваемости оно и Волгу изменило:
не один жестокий год грустит
река по струе полноводной,
приветственным гудкам и парусам.
С нею происходит то, что в стране
гибельно расхристанной творится.
Будто умерла красавица Волга –
ни гудящих от люда пристаней,
ни задушевных песен на её просторе,
ни судов, ни парусов, ни рыбы толком,
словно вода ядовитою стала.
Плáвника на берегу не найдёшь разжечь костёр,
вода возвращается в родимое русло,
обнажая гальку – забытую дорогу бурлаков.
Меняют бакены судоходные линии,
и лёд встаёт чуть не к новому году.
Устала от безделья великая река
и растерянно молчит от смущенья.
И кажется ей, обиженной до глубины,
она уже больше не нужна России,
как жизнью побитая вдова.

ноябрь 2010

Я скучаю по тем...

Я скучаю по тем,
кто никогда не вернётся,
кто не окликнет,
не обнимет и руку не пожмёт;
с кем больше не придется ни поговорить,
ни поспорить,
ни спеть со слезами на глазах;
кто уже доброго слова не скажет,
ничем не поможет в беде,
при расставании на миг не обернётся,
печально рукой не взмахнёт.
У меня нет среди них
кого бы я остерегался, презирал, ненавидел.
Время лечит, забывает, сближает,
и я всё, что нужно, простил
и будничным недругам,
и врагам откровенным,
и заблудшим в скверне,
и любителям зла.
Мне ли, грешнику, кого-то судить пристало,
если на это есть Высший Судья
и в его распоряженьё
и земная спорная обитель,

Бунт высокомерного компьютера

и страна бесплотных солнечных теней,
пуповиной любви завязанные друг с другом,
точно разлучённые близнецы.

Я скучаю по тем,

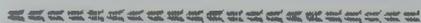
чье последнее солнце утонуло в ночи
и выносит в запределье иные рассветы,
изумляя возникающим чудом флегматичный мрак.

декабрь 2010

Русская зима

На вселенских просторах
замёрзшее солнце
репетирует будущий спектакль
ледникового периода,
радуясь райскому изобилию
прилежного снега.
Стоящие навтыжку ели
едят взглядом, как начальство,
недосягаемый горизонт.
Река под покровом льда,
как нераскрытая почка
в ожидании долгожданного треска.
Царственный мороз,
словно президент второго срока,
чересчур высокомерен,
но житейски глуповат.
Я, как сытый воробей
в застрехе под крышей,
очарованный зимой
постоянно мечтаю
о тёплом дыхании
ласковой весны.

декабрь 2010

Предчувствие весны

Неприменно присутствие голубизны
при оплеухе ветра по физиономии цветущих садов.
Как же без свидетеля при хулиганской выходке!
Саднящие чувства я оставил зиме.
Старуха любит инфантильную рухлядь.
В запутанное время при расставании
не рискуешь обратиться в соляный столб.
Многие из нас, высокомерно обогнав истину,
превратились в ксерокопии божков,
и каждый требует личную кумирню
и беспрекословное поклонение пустому воздуху,
на котором нарисован несуществующий портрет.
В ожидании исцеления крикливых карликов
пылесосят памятливые ступени мавзолея.
На проветренном просторе, вдали от зависти стоголавой,
убивающей наповал простодушное добро,
легче договориться с собственным сердцем
и до глубины понять чужую непримиримость.
Тела ждут дрожи от прикосновения горячих губ,
как сухая земля дождевых капель.
Ждут, когда из растерянного тумана выйдут
давным-давно куда-то пропавшие кони,
чтобы умчаться нас в золотые степи первой любви.

декабрь 2010

Невзначай о молодости

Когда я вне досягаемости родины,
там в середине спокойной ночи
заякорена тяжёлая луна.
На взбитых снегах барствует тишина.
Бесконечные просторы свиваются
в обручальные кольца тревожных душ,
откуда весенним ручейком
вытекает прошлое,
чтобы каждый смог попробовать нектар памяти,
не морщась от едкой горечи невозвратимых утрат,
зорче вглядываться в свой семейный портрет
и наполнять жизнь приобретаемой мудростью
с первого объятия неизведанного бытия.
О молодость – неустанное буйство зреющего тела!
В ней так мало прошлого, так горячо настоящее,
так мечтательно будущее, так ликует сердце
от сладкой тяжести не раскрошенного счастья!
Дни, похожие на цветущие яблони,
одаривают её взгляд мгновеньями восторга.
Надежда, словно охотничья тропа,
обещает ей после решительных поисков
радость взамен ухмыляющейся хандре.
До чего ей нравится музыка снега

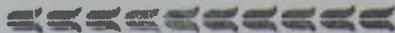
под упругими ногами и горячие поцелуи
в родной покровительственный мороз!
Как нас манит уходящая молодость,
как от неё ни на шаг не отходит душа,
не ведая, что молодость – она сама!
И я в тоске вдруг отчётливо вспоминаю
и вспышку заката на лезвии сумерек,
и клоунскую улыбку на постном лице суеты,
и спасительный луч в гибельной темнице,
и прощальный рокот последнего соловья
вне досягаемости спящей родины,
под замёрзшей оборванной луной...

декабрь 2010

Итог

Как ни горько признаться, но это так:
однажды замечаешь – кончается жизни боезапас.
И ты напоминаешь квёлую ворону
на кладбищенском тополе,
безразличную к снегу и дождю.
Ты видишь, обозревая прожитое пространство, –
на исходе друзья, как последние патроны
последнего боя на последнем рубеже.
Никто не бросается в штыковую,
никто не кричит «Ура!»
Повыбиты командиры.
Рядовые все до единого – наповал.
Ты один перед мглой,
идушей от горизонта в твою сторону.
Она скоро накроет и тебя,
и твоё попранное поколение,
оставив из вас несколько звёздочек
на суровой плите ночного неба.

декабрь 2010

Боль трибунальных дней

В.С.

А я любил тебя,
как можно любить только в молодости –
горячо, самозабвенно,
словно кроме любви для меня
в мире не существовало ничего,
и я, как мне казалось, с тобою был един
и в вере, и надежде, и любви.

Что же побудило тебя влезть в змеиную кожу
и в один из трибунальных дней той чёрной весны
предать и расстрелять мою любовь?

К чему догадки?

Нужна была твоя правда,
но её я не дождался.

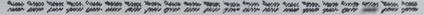
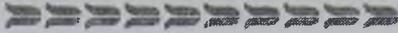
Ты так и не отважилась ни ответить на вопросы,
ни извиниться.

Отмолчалась, как все виноватые.

Такова суть змеи – исподтишка, без жалости –
до смерти.

А я, влюблённый пингвин, простил тебя.

Пусть сквозь зубовой скрежет, но простил,
не желая всю жизнь таскать

на сердце камень обиды.
Простодушные – они как дети –
верят в якобы преданных женщин
и любовь до гроба.

январь 2011

ДНС-1*

Моим друзьям-товарищам нефтяникам посвящается

Она и мёртвая вызывает восхищенье и трепет
хитросплетеньем ржавеющих труб,
настороженной пустотой резервуаров,
вынужденной тишиной эстакад и насосных.
Она – бывший ураган производства,
что здесь когда-то бушевал и умер
без нефти от голода как рыба без кислорода.
Как мы гордились приручённой громадой,
когда она ходила ходуном от буйства
и пожирала нефть с угрожающим аппетитом,
точно без земного нутряного тепла
могла потерять от холода душу!
Как мы были горды за себя и свой труд,
если в год через наши руки проходили
миллионы тонн золотой жидкости!
Мы честные и наивные жили по лозунгу
«Нам хлеба не надо, нам работу давай!»
Тогда это не считалось героикой,
а была обычной ежедневной работой.
В герои нас возносили пустомели,
зарабатывавшие на фанфамах деньги.

При неприлично скромных советских зарплатах
мы были богаче любого миллиардера
и отлично знали, – мы нужны родине.
В непоправимо гнетущей тишине
тягостно молчание грустного металла.
Он не назовёт ни одного имени тех,
кто был востребован здесь былинным
временем и достигаемой мечтой,
кто дружбу, возвращённую молодостью и трудом,
пронёс как факел через всю жизнь,
кто потом умирал раньше срока,
брошенный властью и судьбой...
Кому расскажет затихший металл о былом величье?
Скоро станция унесёт все тайны с собой –
она списана на металлолом.

январь 2011

** Дожимная насосная станция – один из важных узлов в добыче нефти.
ДНС-1 – была самой крупной на Варьёганском месторождении
в Западной Сибири, где работал автор этих строк.*

Ангел и смерть

Куда бы я ни направлялся в раздумье,
сочиня очередной иллюзорный мир,
или беспечно насвистывая песенку,
чистил замусоренное воображение, –
они всюду были рядом со мной:
у тела – ангел-хранитель,
а смерть – чуть-чуть в стороне.

Колесил ли я по штату Вашингтон,
удивляясь чудесам гнилого капитализма,
купался ли в Тихом океане, бродил ли по Парижу,
лукаво подмигивая изящным парижанкам, –
они всюду были рядом со мной:
у тела – ангел-хранитель,
а смерть – чуть-чуть в стороне.

Я пахал и сеял, отдал солдатский долг,
в старинном университете гранит науки грыз,
бурил под нефть и добывал её,
городничал в городе сибирском,
но вопреки атеистским нравам знал, –
они всюду были рядом со мной:
у тела – ангел-хранитель,
а смерть – чуть-чуть в стороне.

В одно мне неизвестное время,
согласно непреложным законам бытия,
как ночь меняется днём и зима весной,
мои попутчики поменяются местами —
смерть окажется рядом с телом,
а мой ангел-хранитель — чуть-чуть в стороне.
И у кого же тогда я должен спросить,
как мне быть без самого преданного друга?

январь 2011

Звенел мотор над белым снегом...

Я весь – восхищенье,

ещё немного – и захопаю в ладоши.

Над набережной и белой Обью –

маленькое чудо – авиамодель,

вогнавшая в детство толпу зевак...

Я тоже снова тот веснушчатый мальчишка,

запускающий свой первый резиномоторный самолётик

в бездонное небо,

похожее на перевёрнутый океан,

на зависть ветрам и птицам.

Моя мечта – вслед за ним

взлететь самому на прекрасном истребителе

и показать пацанам нашей деревни

фигуры высшего пилотажа,

чтобы они потом неделю ходили с разинутыми ртами.

Я вырос технически: мне уже не хватает ни самокатов,

ни луков, ни арбалетов, ни «поджигов»,

ни капсюльных пистолетов,

хочется чего-то большего, трудного, неизведанного.

И вот он, самолётик, –

мои нервы, мои невыученные уроки,

ехидство завистников за спиной...

До чего притягательна магия его частей –

тут и изящная шеренга нервюр,
обрамлённых лонжеронами,
и стабилизатор с килем,
и разноударное слово «шасси»,
и фюзеляж со шпангоутами и стрингерами,
и шаг винта, и невидимый центр тяжести,
и летает он как всамделешный...

Благодарю тебя, небо,

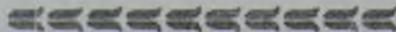
благодарю тебя, мой детский забытый божок,

за предоставленный спектакль
с участием моей главной в то время мечты,
мечты так и неосуществлённой – стать лётчиком...

Я уходил с набережной осветлённый,

унося в душе давно забытый детский восторг...

январь 2011

Подводный лес

Тот лес,
что жил когда-то здесь
и ушёл от людей,
пришёл снова и встал у бывшей деревни
в надежде найти очевидцев
его былого могущества.
Но он ошибся:
в могиле не ищут воспоминаний,
она – самая преданная тишина.
Я знаю,
скоро лес уйдёт
из моих снов
и возвратится вновь
на неопределённое время
под воду.

январь 2011

Случайная встреча

Глаза в глаза...

Мой мир переходил в твой,
твой мир переходил в мой
под аплодисменты сердец.

Трель соловья...

Твоё любимое молчание
с твоим незнакомым телом
были под охраной моих рук.

Горька слеза...

Если любовь – не одно целое,
чувства, как старая трава,
то разлука – лучшее лекарство.

Прости меня...

Пусть это запишут пирамиды,
раз твоя ненадёжная память
боится забыть мои слова...

январь 2011

Лыжи дедушки Ивана

Добрые взрослые знают,
детское сердце без подарка скучает,
и оно ждёт его,

надеясь на волшебство.

Знал ли это дедушка Иван,

в японскую награждённый за храбрость,

униженный революцией,

раскулаченный за трудолюбие,

отбывший положенную ссылку в Сибири,

вручая мне после первого снегопада

самодельные лыжи?

Мои первые лыжи в мои три года...

И полюбил я с той поры шелест снега под лыжами,

как шелест птичьих крыльев,

несущих меня

по зимнему приволью вперёд,

в неведомую даль.

Сухопарое тело играючи носило меня

по взгорьям и перелескам,

по склонам оврагов и полям,

я наслаждался гонкой по алмазному снегу,

словно неутомимая тройка

вдоль по дороге столбовой.

Лыжи незаметно вылечили все хвори,
я налился здоровьем как упругая Хорошавка*
к яблочному Спасу
и основательно влюбился в жизнь,
шутя преодолевая
непредсказуемость обычной суеты,
считая и его штучным счастьем бытия.

...Мудрый дедушка Иван секреты детского сердца
знал
и выбрал подарок со смыслом,
разбудив в малыше мужчину,
чтобы он не нюней, а охотником и воином рос.

февраль 2011

* Хорошавка – красивый сорт яблок в Среднем Поволжье

и тирана указующий перст и топор палача —
одинаковы в предъявлении смерти
(всегда ожидаемое, когда свобода пытается привыкнуть
к небу в клетку и снам из прежней жизни);
и природа, щедрая на справедливость,
забывает, во что ей обойдётся
изначально ненужная игра
(всякое действие встречает противодействие и закон
рукопожатия без перекачивания суставов закрепляется
дружеской улыбкой);
и я, вышедший из праха, расширить души
своей стеснённые просторы светочем мыслей
(не успеваю вдоволь напиться целебного света, и
дороги без согласия уходят из-под моих ног, но тьма по-
матерински успокаивая, обещает впереди непознанный
свет)...

...всё непрерывно...

февраль 2011

Невысказанная благодарность

Борису Курсанову

Если бы тогда я не вырвался из номенклатурного плена,
деревенский погост по мне давно справил юбилей.

Спасибо умному другу за своевременный совет:

к чему копать могилу собственными руками

под ободряющие крики врагов,

как под ласковый вой шакалов,

когда можно заключить с жизнью новый договор.

И добавил: при твоих мозгах держаться за работу,

которая ведёт к верёвке, —

записаться в полные дураки.

Так, вняв отрезвляющим словам,

отринув глупую гордыню,

осел я в северном краю,

где и воздух и люди чище,

хотя авантюристы через одного;

где космические просторы помогают

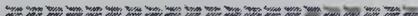
с улыбкой одолевать своенравную хандру;

где судьбу свою поднял до уровня мечты...

И всё же, на родине большой живя,

как на родной чужбине,

я мечтал на малую родину вернуться,

пусть на невзрачном, но на коне,
или со щитом, чем на щите.

Не повыпендриваться, боже упаси!

Порадоваться за тех, кто жив, погоревать по тем,
кто ушёл, помянув их по-русски стопкой водки,
поговорить, как в молодости, незлобно, с подначкой,
вспоминая былые шалости шутя.

И отметить про себя: древние были правы –
на родине не делают карьеру, на ней живут, как могут,
желательно ничем не выделяясь из толпы,
и тихо умирают, кладбище скромно деля между собой...

Вот друга я не успел отблагодарить за спасительный совет.

Пропал мой друг в буране бандитских лет,

и где он, – не знает никто,

и я не знаю,

какую ставить свечу – за здоровье или за упокой...

февраль 2011

Фантазия на вечную тему

А что душа?

Она по особому приказу
и сядет туда, куда укажут,
и вспорхнёт по незримому кивку,
не издав ни единого звука.

Немая подневольная птица.

Отчитается в небесной канцелярии
об очередной командировке,
отгуляет положенный отпуск
и, как земная перелётная птица,
отправится выбирать для себя
новый, ещё не обустроенный дом.

А что со старым?

По правилам людской печали
над старым домом знак поставят,
что когда-то тут жила душа,
а ты стой, гадай: какова была
та чужая, отжившая душа.

Пустые ажурные дома,
под пластами метеоритной пыли,
что Землю упорно толстит,
будут двигаться к её середине,
пока огонь ядра не переплавит их

и вынесет навстречу новому миссии
и новые молодые дома,
и новых молодых жильцов,
и новое вечное счастье
вселенской любви.
А что душа?
Всё ради неё...

март 2011

плясали до упаду, выделывая коленца
на зависть обученным танцорам!
Скудные поля моей родины любили
терпкий пот неумолимых людей,
их завораживающие мелодичные песни,
которые звучат здесь до сих пор,
стоит лишь чутко прислушаться
к голосам птиц и дуновению ветра.

март 2011

Им можно всё

Откуда было знать
под нескончаемые бравурные марши,
что мы, выглядевшие парадно, наполовину сгнили,
словно картофель на советской овощной базе,
и из нас вылупились мутанты
с приклеенными на физиономиях улыбками.
Мы же из-за постоянной немоты и равнодушия
обратились в рыб, неотрывно взирающих
на искусственные улыбки вынырнувших врагов
в положении ничего не значащих объектов,
будто в одночасье напрочь забыли,
что в результате карманной революции
они стали хозяевами жизни
и с этого момента решительно заявили: им можно всё,
включая и похороны невидимого бога.
С грандиозным спектаклем они решили разобраться
в последнюю очередь, когда будет ясно
со второй половиной гнили, которая им нужна позарез
в виде здоровой и питательной пищи.
Мутантам, не признающим ни жалости,
ни справедливости, как они признаются,
ничего не стоит всех нас выбросить на берег,
чтобы сгнив как можно скорее, превратились

наконец-то в недостающую пищу и прекратили своё существование в образе придурковатых рыб.
Мы им опасны, оказывается, и в такой форме жизни!
И в эру чудовищных издевательств, гонений
и в будущем запрограммированной смерти мы поняли,
что нас спасёт временный уход на предельную глубину,
откуда есть шанс ворваться на нашу отнятую землю
уничтожающим ураганом и вновь вернуть
попранные врагами человеческие права.

март 2011

Мелодия одинокого листа

Моя тоска по убывающим дням –

осенняя мелодия одинокого листа
на протяжном холодном ветру.

Боже мой! Неужели то, о чём я думать себе запрещал,

совсем не за дальним горизонтом,

а спокойно разговаривает на соседней улице

со знакомым мужиком о житье-бытье,
перескакивая с пятое на десятое?

Быть может, разговор так, для вида,

и взгляд, словно волчий прищур, обращён на другого,

не осознающего приближенья вечной ночи,

когда сердце внезапно споткнётся

на крутой ступени мгновенья,

и по прямой линии возникшей тишины

душа взмлет в звёздолубивое небо,

но фатальная безысходность предупреждает:

впереди не предвидится головокруженья от успехов,

выпестованного умелыми руками

под занудное бурчание карьерных врагов,

и галлюцинации счастья не обретут новые метафоры –

принятые обязательства исполнятся в срок.

Стареющий бездомный лист,

страдающий желтушной желтизной

и не помнящий отдельных баталий цветенья,
вдали от меня и моих несолнечных мыслей,
также как и я,

 в ожидании предназначенных перемен,
 всё занят разгадкой самого себя:
меланхолично раскладывает пасьянс настоящего,
 боясь задеть ненароком тревогу,
вытекающую из медленных рассуждений,
словно весенний ручеёк из-под угрюмого сугроба.

апрель 2011

Пристрастия прошлого

Прошлое никак не хочет войти в настоящее.
Как одинокая женщина в тёмном переулке,
оно боится надругательства.
Боится осмеяния протокольными шутами,
которым ничего не стоит вывалить в грязи
великие деяния великих людей и самих великих
и за это не бояться получить по морде.
Ей неинтересно дурно пахнущее сегодня,
не предлагающее светлых горизонтов
ни на рассвете, ни на закате,
когда вибрация света достигает наивысших скоростей,
и зачем-то требующее жертв во имя
неопределённого трусливого завтра,
для обывателя напоминающего аптекаря Шнеерсона
с его смертельной улыбкой на вроде бы
приветливой физиономии еврея.
Прошлое незаметно обходит и время и нас,
с удовольствием обнимая далёкое будущее,
которое не просит ни паспорта,
ни денег на предварительные расходы,
не требует признания за совершённую доброту,
предоставляя вам уютную даль
с видами из забытого детства.

апрель 2011

Пластинки последняя нитка

Бороться с кем, кого на помощь звать?
Страна не может с бодуна подняться:
задрав, как задницу, Сибирь,
постанывая спит.
Что толку на бессовестную рожу воду лить,
трепать, пинать и громко материться,
Россия – родина моя,
как мёртвая лежит.
Порой, пугаясь, видно, страшных снов,
спросонья иногда грозит кому-то:
«Всех перевешаем вас, блядей!»
Потом, перевернувшись,
продолжает дрыхнуть,
как ни в чём не бывало,
не слыша даже воронья гортанный крик,
что родичей зовёт на предстоящий пир...

апрель 2011

Эти трепетные дали –
предисловие последнего мазка –
зовут в завершающую стадию пейзажа
и непорочную дорогу, и грешного меня,
и песни,
превращённые в солнечные лучи.

май 2011

Агроном

Николаю Кузину

Ничто не проходит мимо его пристального взгляда,
взгляда одновременно часовщика и художника,
довольного работой.
Ему нравится создаваемый им колоритный пейзаж,
изделие штучное, прямо скажем, филигранное,
достойное всяческих похвал из разных уст.
Это по его спокойной команде
ложатся семена доверительно в землю,
и она скоро покажет свой чудесный талант:
поля, что сегодня напоминают
наших послевоенных мам
в чёрных плюшевых жакетках,
через две недели оденутся в платья цвета изумруд.
Потом, вдосталь напоённые солнцем и дождями,
до блеска протёртые чистыми ветрами,
они преобразятся,
как неуклюжий птенец в очаровательного лебедя,
и предстанут во всей красе,
заставляющей разум неметь от восхищенья.

Дневниковая запись

Г.И. Бабаеву

Ничего космического, Геннадий Иванович,
в твоё пятилетнее отсутствие в жизни,
как говаривали древние, не произошло.
На Каратаевском мысу вырос дворец хана,
чего стеснялись в царское время сделать
русские помещики, жившие тут неподалёку.
И теперь мыс выглядит, как жирная жопа
со спелым чирьем на самом видном месте.
Но хан доволен: вместе с апайкой они
на электромобиле из верхнего дворца
ездят с охраной в нижний – помыться в бане.
Чтобы местные мужики не тревожили хана
шумом моторок, прорыли прямой канал
на Волгу от реки через Мартышкино озеро.
Зря в советское время смеялись над Марксом,
очень и очень прозорливым оказался еврей!
В армагедонную жару прошлым летом
Волга обмелела до бурлацкой гальки,
ещё немного – и показалось бы старое русло.
В Камском у кладбища новый участок:

народ мрёт, словно соревнуясь, кто быстрее,
и впереди, как всегда, идёт молодёжь.
Человечество и Россия по-прежнему живут
между правдой и ложью в ожидании перемен.
По-русски это называется жить как на вокзале.
У нас два тщеславных безродных мужичка
поочередно дурят и без того обдуренный
народ новыми побасёнками о райской жизни.
И он, охмурённый, верит вранью, верит,
словно забыл хрущёвский хлёткий урок,
готов залезть в урны вместо бюллетеней,
лишь бы парочка кремлёвских куплетистов
и дальше вешала ему на уши лапшу!
В экономике две выручалки – нефть и газ,
промышленность и село – изгои до сих пор.
Правда, носки научились делать почти
как импортные – не садятся после стирки...

Здесь запись в дневнике обрывается.

май 2011

Прощай, брат!..

*Светлой памяти Юрия Буданова,
настоящего русского полковника
посвящается*

Прощай, брат!..

Последний салют над тобой

звучит как вопрос прямой наводкой:

почему с молчаливого согласия власти

героев, спасших родину от новой чумы,

покрывают бесчестьем и позором,

бросают в них камни, валяют в дерьме и убивают –

одного за другим,

словно они исчадие ада?

Будто они самовольно, без приказа свыше,

развязали эти непонятные войны,

когда к яйцам кремля была подвешена лимонка

с вынутой чекой,

и теперь на них как на стрелочников вешают

и девушек-снайперов,

и сожжённые непокорные аулы,

и мир, расстрелянный из-за угла.

У подлой власти всегда оправдана надежда на военных:
они и преданные согласно уставу промолчат
и обиду унесут с собой.

Прощай, брат!..

Отгремели твои бои, сея со смертью справедливость.

Твой танк ушёл на переплавку,
как старая лошадь на убой.

Пусть дела далеко не закончены,
жизнь твоя на земле завершена,
и ты в недоумении разглядываешь смерть.

В небесном воинстве редкая радость –
в нём одной душой отважной стало больше.

июнь 2011

Непостижимое

Зачем обманывать меня бессмертьем,
если вокруг законы разрушенья
сортируют по живучести атомы,
как ночь сортирует остатки сна.

Представительно, в сладком обмане,
под надзором подчинённых божков
умирают сны, едва проснёшься,
а многие мертвы до пробужденья.

Я всё же не глуп до омерзенья,
и память мою никак не обмануть —
ушли родители, старые соседи,
верные друзья, часть врагов,
исчезают тихо деревни, дороги,
ручьи, леса и огромные поля —
и всё безвозвратно, безвозвратно...

Мне мой бог подробно ответил,
почему вселенная не больше меня
и по срокам ничуть не долговечней.
В его простых словах убежденье —
для живых до бесплотности своей, —
словно указующий на дорогу посох,
на единственную к ответам дорогу.
Но получу ли я в конце пути

без всяких вывертов и загадок
ответ на поставленный вопрос –
где же моё спрятано бессмертье?
А если вдруг вместо слов молчанье,
разгадай его – раз слишком умён!
Неужели моя вечность таится
в разрушении до предельного конца,
когда атомы, сравнимые с солнцем,
превратятся в невидимые точки
и будут дальше делиться и мельчать,
и мечта человечья – просто мечта?
Как всё ясно с вечностью Кашея:
заяц, утка, яйцо, игла – и смерть...

июнь 2011

Человек без работы

Зря премьер-министр
кривит в ухмылке губки!
Анатомия чувств человека
без работы куда страшней
действия атомной бомбы.
Голова у человека без работы
гудит от безответных вопросов,
словно разбуженный улей,
и ничего не может придумать,
как избавиться от безнадёги.
Руки, отвыкая от работы,
начинают нестерпимо чесаться
сначала на хлёсткий мордобой,
потом на грубый булыжник –
надёжное оружие пролетариата.
А там недалеко и до автомата.
Душа, измученная навязанной
ленью, рвёт совесть человека
без работы, до смерти не желая
оскотиниться и пасть за линию,
откуда больше нет возврата
в нормальный мир людей.
Посмотрите, премьер-министр,

на подвластную вам Россию —
как она двадцать лет спивается
без работы и надежды на неё!
Будучи скептиком, не забывайте,
наиболее кровавые революции
совершают люди без работы,
доведённые до крайнего отчаяния...

июнь 2011

Бессонница

Одиноко мне в доме осеннем
и вдобавок не жду никого –
ни гостей – желанных и непрошенных,
ни верных надёжных друзей.
Гости желанные в краях далёких.
Там звёзды, говорят, дешевле и ярче.
И жизни ничто не угрожает.
И молодость там вечная в подарок.
Непрошенные гости не зайдут –
для них двустволка висит на стене.
Друзья-товарищи мои незаметно
растаяли, как снежинки на ладони, –
ни писем, ни звонков.
Страна-то огромная,
в таких вселенских просторах
попробуй кого-нибудь отыскать!
Ни собачьего предупредительного лая.
Ни сверчка монотонное стрекотанье,
словно косилки на травном лугу.
Идёт по делам куда-то неспешно
толстая с одышкой луна.

Тишина по уставу сторожит
и лунный свет и себя.
И время, как китайская казнь,
медленно капает на мозги.

июль 2011

Соловьи любви

Соловьиные трели
над немеркнувшей зарёю детства
снова воскрешают детские грёзы
моего первого появления
в зале свирепого бытия.
Я там, как маленький атом,
вбираемый молекулой жизни
в свой неповторимый круговорот,
заvroжен неземным хоралом
сошедших с ума соловьёв.
В годы юношеской правды
соловьи как будто нарочно
заглушали посторонние звуки,
чтобы влюблённые пары,
ни о чём не беспокоясь,
могли слушать до рассвета
незабвенную песню любви.
Через время побед и падений
ярая соловьиная вьюга,
бушующая в цветущих садах,
подарила мне запоздалые вздохи
и сердца взволнованный стук,
возвращая сгоревшие мгновенья,
когда я касался не целованных губ.

июль 2011

Танцы моего поколения

Нине Макаровой

Годы шестидесятые.

Космические.

Приподнятые.

Юности ясноокой сиреневые дни.

И танцы, притягательные танцы,

что любили без памяти мы.

Какие ди-джеи и электрогитары?!

Гармошки Шуни Елантьева и Сани Аксёнова

тогда заменяли нам и радиолу и магнитофон.

Ах, эти кнопочки белые,

ах, эти кнопочки чёрные,

меха раздувались,

как щёки трубача!

Под бегущими пальцами,

словно стрекозы, выпархивали звуки

вальса простого и «дамского»,

медленного танго,

песен блатного разлива –

романтики тех лет.

И «цыганочку» с выходом, и вихрь твиста,

вдобавок к русской кадрили – чарльстон, –

Ода сибирской зиме	66
Бредень.....	68
Весенний дождь	70
Противоречия мечты.....	71
Ещё одно слово о любви.....	73
Чутьочку моё время	75
Мысли моих предков	77
Юрий Гагарин	79
Солнце с изнанки	82
Думы о родной деревне	84
Учись, мой мальчик, метко стрелять!	86
Катарсис	88
У порога зимы	89
Мозаика родины	90
Вычеркнутые дни.....	91
Женщине, которая прошла мимо	92
Враги моих слов	94
Женщина-весна	95
Миска	97
Стихи в защиту труда	98
Автору обожжённых слов	100
Голос со дна колодца.....	102
На Лобаче.....	104
Листья.....	106
Старческие упрёки	107
Причуды тишины	109
Во мне душа безымянного солдата... ..	110
Параметры вечности	112
Волга новых времён	113
Я скучаю по тем	114

Русская зима	116
Предчувствие весны	117
Незначай о молодости.....	118
Итог	120
Боль трибунальных дней	121
ДНС-1	123
Ангел и смерть	125
Звенел мотор над белым снегом... ..	127
Подводный лес	129
Случайная встреча	130
Лыжи дедушки Ивана.....	131
Сумма раскрученного времени	133
Невысказанная благодарность	135
Фантазия на вечную тему.....	137
Люди, поля, балет.....	139
Им можно всё	141
Мелодия одинокого листа	143
Пристрастия прошлого	145
Пластинки последняя нитка.....	146
Площадь памяти.....	147
Агроном	149
Дневниковая запись	151
Прощай, брат!.....	153
Непостижимое.....	155
Человек без работы.....	157
Бессонница	159
Варианты риска.....	161
Соловьи любви	162
Танцы моего поколения.....	163

Литературно-художественное издание

Андреев Владимир Петрович

Бунт высокомерного компьютера

Редактор **В.И. Самойлов**

Технический редактор и верстка **Ф.З. Чешкова**

Корректор **И.С. Смолина**

Подписано в печать 10.09.2011. Формат 70x108 1/32.

Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Бумага офсетная.

Усл.печ. л. 8,70. Тираж 500 экз. Заказ А-78.

ООО «Ихлас». 420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Телефон: (843) 5-19-45-29.

ISBN - 978-5-90473-560-9

9 785904 735609

63-00

002052012

Государственная библиотека Югры

Слава Юрия Гагарина вышла за советские границы. Не прошло и месяца с момента полета, как его отправили в первую зарубежную поездку. С так называемой "Миссией мира" первый космонавт посетил Чехословакию, Финляндию, Англию, Болгарию и Египет. На фото: 1961 год. Юрий Гагарин держит голубя, подаренного ему болгарскими пионерами.